

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1
ББК Ш141.12

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.49

Код ВАК 10.02.01

Л. В. Балашова
Саратов, Россия

ИДИОМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВЛАСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются идиомы из семантической группы «Власть» в дискурсивном, семантическом, мотивационном и концептуальном аспектах. Устанавливается роль таких фразеологизмов в репрезентации языковой картины мира. В частности, отмечается дискурсивная ограниченность большинства анализируемых идиом и их ориентация не на традиционную народную, а на книжную культуру, связанную с религиозными, литературными, иноязычными источниками, а также на публицистику и разговорную речь советского периода. Подчеркивается, что формирование идиом базируется на нескольких концептуальных моделях метафорического и/или метонимического типов (пространственной, биоморфной, социоморфной). Устанавливается, что внутренняя форма и базовые модели мотивации, в свою очередь, обуславливают конкретную семантику и прагматику исследуемых фразеологизмов, которые по преимуществу дают обобщенную характеристику властных структур и их лидеров, с возможной конкретизацией правовой стороны обретения и сохранения власти, методов правления. Доказывается, что в современном российском политическом дискурсе идиомы из группы «Власть» обычно употребляются в своих языковых значениях. Вместе с тем обнаруживается, что при использовании ряда фразеологизмов есть определенные предпочтения в выборе современных политических ситуаций. Доказывается, что политическому дискурсу присуща некоторая терминологизация языковых идиом. Главной особенностью в прагматическом аспекте употребления идиом является преобладание негативной и/или иронической оценочности именуемых властных структур и их лидеров, причем данной характеристикой наделяются и те фразеологизмы, которые не обладали такими признаками в языке. Концептуальный анализ употребления идиом показывает, что «власть» в основном воспринимается как особая каста, живущая по своим законам и во многом противопоставленная остальному социуму.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идиоматика; семантика; мотивация; концептуализация; власть; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, 9; e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

Практически все исследователи отмечают особую роль в репрезентации языковой картины мира (далее — ЯКМ) фразеологических единиц (далее — ФЕ), которые «представляют собой большой объем „свернутой“ культурно-маркированной информации, поскольку актуализируют социально более релевантные явления на определенном этапе развития общества» [Шкатова 2012: 209]. Фразеологию называют «зеркалом жизни нации» [Маслова 2007: 268] и «самым культурноносным компонентом языка в действии» [Телия 2004: 19]. Более того, «история фразеологического состава языка — это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление — это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним — ценностное или эмоциональное» [Телия 1996: 82].

Не подвергая сомнению данную точку зрения в целом, мы все же хотели бы отметить, что, несомненно, степень национальной самобытности фразеологии во многом зависит от объекта исследования (структурного типа ФЕ — коллокации, идиомы, паремии, их семантики, а также от их концептуального наполнения).

Концепт ВЛАСТЬ, безусловно, относится к числу фундаментальных феноменов не

только в политической коммуникации, но и в русской ЯКМ в целом (ср.: [Балашова 2014: 193—406; Дементьев 2013: 15—25; Чудинов 2006: 8—9]). Вследствие этого данный концепт не может не получить отражение в русской идиоматике.

Согласно лексикографическим источникам [Алефиренко, Золотых 2008; АСРФ 2015; БФСРЯ 2009; СТСРЯ 2007; Фелицына, Мокиенко 1990; ФСРЯ 1994], в современном русском языке выделяется семантическая группа «Власть», включающая 31 идиому с базовыми компонентами: (1) 'право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л.'; (2) 'право и возможность влиять на социальное, имущественное и др. положение кого-л.' (ср.: [Балашова 2010: 9—10]). Например: *Власть имущие* (книжн.) 'о тех, кто стоит у власти'; *Царь и бог* (высок.) 'человек, имеющий возможность распоряжаться людскими судьбами по своему усмотрению, пользующийся неограниченной властью'.

Весьма примечательно, что абсолютное большинство исследуемых идиом, согласно лексикографическим пометам, дискурсивно ограничено книжными стилями речи (ср.: *Сильные мира сего* (книжн., ирон.) 'самые влиятельные люди, занимающие высокое общественное положение'; *Стоять (находиться) у кормила [власти]* (книжн., журн.)

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по Заданию № 2014/203, код проекта 1549.

© Балашова Л. В., 2016

‘находиться у власти, возглавлять что-л.’), причем в состав ФЕ регулярно включаются устаревшие лексемы, славянизмы (ср.: *кормило*, *сей*, *бразды*, *предержащие* и др.). Книжным (устаревшим) может являться порядок слов в идиомах, а именно: постпозиция согласованного определения в именных ФЕ (ср.: *Власть имущие* (книжн.); *Власти предержащие* (книжн.); *Помазанник Божий* (высок.)).

Концептуально значимым является также то, что идиомы, связанные своим происхождением с народной традиционной культурой, представлены единичными примерами (ср.: *Царь-батюшка* (народн.); *Что хочешь, то и ворочу* (прост.); *Наложить лапу (на что-л.)* (прост.)). Основная же масса идиом этимологически связана с библейским текстом, религиозным дискурсом в целом (ср.: *Сильные мира сего*; *Власти предержащие*; *Помазанник Божий*; *Гог и Магог*), а также с литературными источниками (ср. идиоматизацию прецедентных фраз из произведений А. С. Пушкина — *Тяжела ты, шапка Мономаха* (высок.); Ф. М. Достоевского — *Административный восторг* (книжн.); И. Ильфа и Е. Петрова — *Командовать парадом* (журн.); Джорджа Оруэлла — *Большой (старший) брат* (журн.); фрагмента крылатого выражения из куплетов Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст» — *Править бал* (книжн.)). К данной группе примыкают интернационализмы и семантические кальки из европейских языков (ср.: *Серый кардинал* (книжн.); *Кнут и пряник*; *Политика / метод кнута и пряника*; *Кнутом и пряником* (книжн.)).

Более современные по формированию идиомы (XX в.), как правило, связаны происхождением с политической публицистикой (ср.: *Заказывать музыку* (журн.); *Слуги народа* (журн.)), а также с разговорной речью, сленгом советского периода (ср.: *Телефонное право* (разг., ирон.) ‘возможность влиятельных лиц получать что-либо в обход общепринятых правил и законов — по знакомству, через сеть «старых друзей», «по звонку» (с 70-х гг. XX в.)’; *Софья Власьевна*; *Степанида Властьевна* (совет.; эвфем.) ‘о советской власти’).

Тем самым можно констатировать, что семантическая группа идиом «Власть» этимологически ориентирована по преимуществу не на традиционную народную, а на книжную культуру, связанную с религиозными, литературными, иноязычными источниками, а также на публицистику и разговорную речь советского периода.

Не менее концептуально значимым представляется тот факт, что, несмотря на разнообразие источников исследуемых ФЕ,

их формирование базируется на нескольких концептуальных моделях метафорического и/или метонимического типов.

В частности, устойчивой (в рамках нашего объекта исследования) является **пространственная** модель (отчасти совмещенная с моделью **обладания**): право и возможность распоряжаться судьбами кого-либо ассоциируется с определенными пространственными характеристиками субъекта и объекта власти. Данная модель реализуется в нескольких вариантах.

Во-первых, власть осмысляется как возможность субъекта держать в руках, удерживать рядом с собой объект (ср.: *Власти предержащие*; *Власть имущие*). Если во внутренней форме ФЕ есть указание на немотивированное изменение положение объекта, то в семантике идиомы актуализируются экспрессивные компоненты, негативно оценивающие мотивацию действий субъекта власти и его отношение к объекту власти: ‘неограниченная власть’, ‘произвол’, ‘унижение объекта’, ‘отсутствие учета интересов объекта’ (ср.: *Что хочешь, то и ворочу*). Негативная оценка неправого характера обретения власти и распоряжения чужой собственностью, правами других и т. п. может актуализироваться за счет подключения к данной модели **зооморфного** компонента (ср.: *Наложить лапу на что-л.*): субъект власти в этом случае ассоциируется с хищником, силой овладевающим добычей.

Во-вторых, власть может осмысляться как способность субъекта речи управлять движением какого-либо транспортного средства (объекта власти) — упряжкой, судном. Символом власти становятся артефакты, с помощью которых осуществлялось управление движением: *бразды* ‘конские удила; узда’; *кормило* ‘кормовое весло’; *руль*, тогда как различные манипуляции с данными артефактами уточняют этапы в обретении или утрате власти, а также способы ее обретения/утраты (ср.: *Бразды правления* (книжн., устар.) ‘власть, управление’; *Держать / выпустить... бразды [правления]* (книжн.) ‘обладать властью; утратить власть’; *Находиться (стоять) у кормила (чего-л.)* (журн.); *Стоять у руля (чего-л.)* ‘находиться у власти, возглавлять что-л.’).

Наконец, в третьем варианте пространственной модели лидерская позиция ассоциируется с положением вне общего ряда, совокупности людей, а именно: во главе их (ср.: *Стоять во главе* (нейтр.) ‘занимать основное место где-л.; являться руководителем чего-л.’).

Вторая — **биоморфная** — концептуальная модель формирования ФЕ совмещает

метафорическое и метонимические основания для переосмысления внутренней формы идиом. В данном случае власть ассоциируется с физическим превосходством над другими членами сообщества (ср.: **Сильные миры сего**), а также с наличием у лидеров возможности насильственным и ненасильственным способом влиять на физическое состояние членов сообщества (ср.: **Кнутом и пряником** (книжн.) 'о методе совмещения различных способов воздействия на людей, при котором чтобы убедить, выучить или подчинить их используются вознаграждения (пряник) и наказания (кнут)'; **Взять / держать палку** 'добиваться подчинения угрозами силой'). Фиксируется также идиома **Административный восторг** (книжн., ирон.) 'упоеание своей властью — о тех, кто наслаждается возможностью проявить свою власть по отношению к другим людям и злоупотребляют этим', в которой иронично характеризуются люди, испытывающие сильные положительные эмоции от возможности использовать властные (административные) рычаги для воздействия на других членов общества.

Таким образом, в ФЕ, формируемых по биологической модели, нейтрально характеризуется восприятие субъекта власти как физически сильного, но негативно оценивается использование этой силы для воздействия на других или эмоциональное упоение возможностью такого воздействия на них.

Третья — **социоморфная** — концептуальная модель формирования идиом из семантической группы «Власть» также представлена несколькими вариантами переосмысления внутренней формы ФЕ. Иерархические социальные отношения осмысляются в рамках различных видов конкретных социальных связей, где представитель власти ассоциируется с социально главенствующим членом данного сообщества:

- Старший родственник в семье (ср.: **Большой (старший) брат** (журн.); **Царь-батюшка**₁ (народн.) — в совмещении с монархическим вариантом модели);

- Сакральные силы, представители религиозного культа и т. п. (ср.: **Царь и бог** (высок.) — в совмещении с монархическим вариантом модели; **Серый кардинал** (книжн.); **Помазанник Божий** — 1) (религ.) 'почтительное обращение к царям Израиля'; 2) (перен.) 'льстивый либо предписанный эпитет по отношению к правителю, прошедшему обряд помазания');

- Монарх — при обозначении правителя, субъекта власти немонархического типа (с возможным подключением синекдохи: номинации артефактов — символов власти)

(ср.: **Гог и Магог** (высок.) 'о человеке, наделенном большой властью, о всесильном и жестоком правителе' — в совмещении с завоевательным вариантом (в библейских сказаниях Гог — свирепый царь, а Магог — его царство и народ, отличавшийся дикостью и жесткостью); **Царь и бог**; **Царь-батюшка**₂); **Шапка Мономаха** 'символ царской власти; в переносном употреблении — власти в целом' (по названию головного убора, короны, которой венчались на царство московские цари); **Тяжела ты, шапка Мономаха** 'о тяжести власти, ответственности правителя');

- Завоеватель, победитель в войне, в вооруженном восстании и т. п. (с возможным подключением синекдохи: номинации различных видов вооружения, с помощью которых осуществляется захват власти, обеспечивается победа в войне) (ср.: **Гог и Магог** (высок.); **На штыках**; **Опирается на штыки** — 'о приходе власти / об удержании власти с помощью вооруженных сил, армии'; **Тяжелая артиллерия** (журн.) 'самое надежное, действенное средство в достижении цели, власти и др.');

- Командир, распорядитель в каком-либо мероприятии и т. п. (ср.: **Править бал (балом)** (книжн., ирон.) 'о том, кто управляет, распоряжается чем-л.'; **Командовать парадом** (журн.) 'о человеке, берущем ответственность за решение чего-л., руководство чем-л. на себя'; **Заказывать музыку** (журн.) 'о том, кто контролирует ситуацию, является истинным руководителем чего-л.');

Наконец, в рамках социоморфной модели можно выделить несколько идиом, при мотивации которых немаловажную роль играет оксюморон (включая антонимию). В частности, в ФЕ **Слуги народа** (журн.) 'лицо, которому общество (народ) явно или неявно делегировало те или иные общественные функции, но чаще всего — власть', представитель законодательной власти принципиально позиционирует свою зависимую позицию по отношению к электорату. В идиоме **Телефонное право** (разг., ирон.) 'возможность влиятельных лиц получать что-либо в обход общепринятых правил и законов — по знакомству, через сеть старых друзей, „по звонку“ (с 70-х гг. XX в.)' обыгрывается сочетание несовместимых понятий «право» и «телефонный звонок», чем подчеркивается неправовой характер такого метода управления чем-либо. Наконец, в фонетических метафорах (от аббревиатуры СВ) советского периода **Софья Власьевна**; **Степанида Власьевна** 'о советской власти' обыгрывается концептуальная несовместимость представления о бюрократической машине власти недемократического типа со знакомой жен-

щиной, которую называют по имени-отчеству, что подчеркивает, с одной стороны, неформальный характер взаимоотношений с ней (не указывается фамилия), а с другой — относительно неблизкий характер таких взаимоотношений (использование отчества).

Внутренняя форма и базовые модели мотивации обуславливают конкретную семантику и прагматику исследуемых идиом. Концептуально значимым представляется степень востребованности ФЕ с отражением разных участников и аспектов ситуации ВЛАСТЬ в целом.

Так, примерно треть идиом дает экспрессивную, но оценочно нейтральную обобщенную характеристику самой власти, ее представителей (органов управления, лидеров, правителей), процесса управления (ср.: *Бразды правления*; *Власть имущие*; *Власти предержащие*; *Сильные мира сего*; *Держать бразды [правления]*; *Править бал*; *[Стоять...] во главе*; *Находиться... у кормила (власти)*; *Стоять у руля*).

В ряде ФЕ нейтрально или оценочно конкретизируется тип управления или различные ветви властных структур:

- монархическое государство / его правитель — *Помазанник Божий* (высок.) — 1) (религ.) 'почтительное обращение к царям Израиля'; 2) (перен.) 'льстивый либо предписанный эпитет по отношению к правителю, прошедшему обряд помазания'; *Царь-батюшка*₁ (народн.) 'о монархе';

- тоталитарное государство / органы его управления; исторический вид такого государства — *Большой (старший) брат* (журн.) 'государство или другая подобная организация, стремящаяся установить тотальную слежку или контроль над народом'; *Софья Власьевна*; *Степанида Властьевна* 'советская власть';

- представитель законодательной власти (ср.: *Слуги народа* 'о представителях выборной (обычно законодательной) власти').

Кроме того, регулярно в семантике идиом актуализируется компонент, указывающий на неправовой характер обретения, поддержания власти, а также ее проявления (ср.: *На штыках* 'о достижении / поддержании власти с помощью армии'; *Наложить лапу* (прост., презр.) 'полностью подчинить себе'; *Заказывать музыку* (журн.) 'являться истинным хозяином, распорядителем'; *Серый кардинал* (книжн.) 'о том, кто обладает большой властью, но не занимает соответствующего высокого положения и остается в тени (оборот связан с именем монаха отца Жозефа, доверенного лица кардинала Ришелье)'; *Телефонное право* (разг., ирон.) 'возможность влиятельных лиц получать

что-либо в обход общепринятых правил и законов — по знакомству').

Помимо этого в исследуемых ФЕ может выражаться отношение к правителю и методам его правления, как правило, в сочетании с указанием на представителя абсолютной власти: от почтительного, восторженного и т. п. признания его авторитета, превосходства до иронического, презрительного, негодующего (ср.: *Царь-батюшка*₂ (ирон.) 'о правителе, управленце, обладающем неограниченной и обычно неконтролируемой властью'; *Царь и бог* (высок.) 'человек, имеющий возможность распоряжаться людскими судьбами по своему усмотрению, пользующийся неограниченной властью'; ; *Что хочу, то и ворочу* (прост.) 'о поведении правителя, управленца-самодура'; 'о человеке, наделенном большой властью, о всемогущем и жестоком правителе'; *Административный восторг* (книжн., ирон.) 'упоение своей властью'). Примечательно, что оценка власти самим правителем содержится только в одной идиоме: *Тяжела ты, шапка Мономаха* 'о тяжести власти, ответственности правителя').

Таким образом, «власть» как базовый политический феномен получает в русской идиоматике отражение через систему ФЕ, в которых на первый план выходит характеристика и экспрессивная оценка степени концентрации власти в одних руках, а также правомочности самой власти и ее представителей, соотнесения методов, используемых в управлении, с понятиями справедливости, ответственности и милосердия.

По мнению многих исследователей, современный политический дискурс (в широкой его интерпретации), особенно тот его вариант, что репрезентируется с помощью СМИ, отличается стремлением к демократизации, к активному использованию разговорных элементов и т. п. (ср.: [Петрова, Рацибургская 2011: 3—8]). Однако анализ употребления идиом из семантической группы «Власть» в современном политическом дискурсе (по материалам Национального корпуса русского языка XXI в.) показывает, что, несмотря на то, что большинство исследуемых ФЕ дискурсивно ограничены, все они достаточно активно используются в газетных текстах общественно-политической направленности, причем это относится как к книжным и/или устаревшим, так и к разговорным, сленговым идиомам (ср.: *Сильные мира сего* — 171 употребление; *Власти предержащие* — 131 употребление; *Власть имущие* — 125 употреблений; *Править бал* — 122; *Стоять у руля* — 98; *Слуги народа* — 121; *Серый кардинал* — 76; *Бразды правления* — 59; *Гог и Магог* — 53; *Телефонное право* —

34; *Царь-батюшка* — 21; *Находиться... у кормила власти* — 18; *Административный восторг* — 9; *Софья Власьевна* — 7; *Тяжела ты, шапка Мономаха* — 7; *Что хоч, то и ворочу* — 5).

Большинство идиом употребляются в современном российском политическом дискурсе в своих языковых значениях с сохранением также своей прагматической зоны (книжные, разговорные, нейтральные, экспрессивно-оценочные и т. п.).

Например: *Посмотришь, с каким рвением на выборах стремятся претенденты к „кормилу“ власти* [Пожаробезопасность — в ранг экономической политики 2003]; *Стране нужны управленцы широкого профиля, всесторонне образованные специалисты, которые в недалеком будущем встанут у руля отечественной экономики* [Семенова 2002]; *А для этого необходимо было добиться раскола в высшем армейском руководстве, с помощью кнута и пряника превратив часть офицеров и генералов в американских агентов влияния* [Терентьев, Перинчек 2010]; *Этот факт признают все заинтересованные лица, кроме чиновников от образования, преисполненных административного восторга и бодро рапортующих о небывалых успехах своих новаций* [Аринштейн 2009]; *Верховная рада, в которой правят бал популисты, мгновенно возносит на пьедестал и так же стремительно свергает любые авторитеты* [Шеремет 2015]; *В качестве тяжелой артиллерии задействованы администрация президента Путина и правительство* [Пылаев 2003]; *Разница в том, что русская государственность устояла, и напор новой идеологии капитала, несомый на штыках, мы отразили в централизованном порядке* [Креленко 2003].

Фиксируются в XXI в. и историзмы, но только в той же функции (эвфемистической), в которой они функционировали в разговорной речи и сленге XX в., а именно: при обозначении негативного отношения к власти в СССР. Например: *Самое ужасное, что в тогдашнем обществе одинаково подло действовали и советская власть, и те, кто, называя ее „Софьей Власьевной“, тихо презирав ее с кукишем в кармане, тем не менее, пользовался ее же методами, в частности, замалчиванием, захлопыванием, нерукоподаванием, неупоминанием и прочими насколько дешевыми по сути, настолько же страшными „по жизни“ приемами* [Баранов 2003].

Иногда в контексты включаются пояснения: по-видимому, авторы публикаций предполагают, что массовый читатель не знаком

с ФЕ или не знает ее значения. Акцентированию, привлечению внимания к, возможно, не совсем понятным адресату устойчивым выражениям служат также графические выделения, обычно кавычки. Например: *„Самоспасающаяся“ (в авторском обозначении этого процесса) имперско-патерналистская система, по мнению В. Булдакова, достаточно проста в сумбурном использовании репрессивных и поощрительных методов („кнут и пряник“); поэтому приписывать ей какую бы то ни было оптимальность в этих способах властвования было бы занятием излишним.* [Филиппова 2010]; *Тогда публикация итогов голосования явно опоздает за введением нового закона, и „править бал“ будут персоны, которые 1 марта окажутся на главном городском посту* [Рыбкина 2003].

При использовании части ФЕ в их языковом значении обнаруживаются определенные предпочтения в выборе современных политических ситуаций. Так, экспрессивные ФЕ, именующие неправовой, агрессивный характер обретения власти и ее осуществления, обычно употребляются при описании действий коррумпированной российской экономически-политической элиты регионального или министерского уровня, мафиозных структур, а также внешнеполитических шагов стран НАТО (прежде всего США). Например: *Сначала на пивзавод пытался „наложить лапу“ вице-губернатор И. Ялышев* [Толстых 2003]; *В ближайшее время наш „союзник по антитеррористической коалиции“ собирается захватить Ирак и наложить лапу на иракскую нефть* [Крылов 2003]. Представители оппозиции идиомы с такой семантикой используют подобным образом по отношению к центральной власти (ср.: *И хотя Кремль скоро вернулся к политике умиротворения, правозащитные организации единодушно выступили в том духе, что такой ускоренный референдум, проведенный на штыках, будет профанацией и только усугубит положение дел* [Волеизвержение 2003]).

Идиома *Серый кардинал* при описании советского прошлого именует почти исключительно члена Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслова (ср.: *Василий Гроссман по памяти записал беседу с Михаилом Сусловым, в которой „серый кардинал“ журил писателя за то, что тот льет воду на известную чью мельницу* [Рахаева 2002]). При характеристике современной ситуации в России ФЕ обычно указывает на столпов бизнеса, лоббирующих свои интересы во власти, а также официальных и неофициальных политических советников, чиновни-

ков второго плана, имеющих особые отношения с представителями власти в центре и на местах (ср.: *Для человека с репутацией серого кардинала российской политики* [Владислава Суркова] это, безусловно, ссылка, пусть и почетная [Веселов 2012]; *Не прошло и месяца, как „по собственному желанию“ ушел замминистра Александр Смирный, считавшийся при Нургалиеве серым кардиналом и подлинным разработчиком реформы правоохранительных органов* [2012: год фиктивных перемен 2012].

Ряд идиом подвергаются своеобразной терминологизации с сохранением языковой экспрессивной оценочности или обретением таковой при терминологизации. Так, в советском политическом дискурсе ФЕ *Старший брат* регулярно использовалась при обозначении положения России в кругу советских республик. В XXI в. данный фразеологизм также именует Россию уже в новой реальности, но с ироническим намеком на тот же тип отношений — политическое, экономическое, идеологическое влияние и т. п. Например: *Проблема лишь в том, что, не контролируя выделяемые Южной Осетии финансовые потоки и одновременно поддерживая там непопулярных и вороватых бюрократов, Россия стремительно теряет позиции даже в этой сверхлояльной „старшему брату“ стране* [Великовский 2011]. Вариативная идиома *Большой брат* обычно употребляется при экспрессивной номинации тех режимов, которые автор считает тоталитарными. Например: *Вы ведь хотите лишить человечество права на выбор между добром и злом, навязать нам очередного **Большого Брата*** [Тринадцать лиц будущего 2009].

Не менее показательным в концептуальном аспекте представляется употребление в современном политическом дискурсе идиом, экспрессивно, но оценочно нейтрально именующих власть в целом, властные структуры и их представителей (лидеров, правителей и т. п.).

Большинство из них используются в иронических и негативных контекстах. В частности, это может быть связано с недоверием к власти, с отрицательной оценкой конкретных ее действий, а также с сомнением, что данные усилия направлены на пользу всего общества, а не на укрепление элитой собственной позиции в обществе и ее личного благополучия. Большую роль играет также восприятие власти как органа, который способен решительным образом повлиять на благополучие отдельного индивида, отдельной экономической (политической, социальной) силы, а также социума в целом

и которому этот индивид, сила, социум в целом не могут противостоять как равные. Например:

- **Власть имущие:** *А значит, **власть имущим** приходится сдерживаться, действовать втайне, чужими руками, скрываться, юлить, оправдываться... и, в конечном счете — умерять свои аппетиты* [Холмогорова 2015]; *Если **власть имущим** твоя земля показалась сладкой, они ее заберут, можешь в этом не сомневаться* [Сычев, Звягинцев 2014];

- **Власти предрежащие; Власть предрежащая:** *Простой вопрос: может ли преодолеться бедность при таких стараниях **властей предрежащих**? [Варецкий 2003]; Дело ставить превыше всего и очень важно — не бояться говорить жесткие вещи **власти предрежащим** [Левандовский 2013]; А тенденция к вымиранию населения, на которую **власти предрежащие** обращают гораздо меньшее внимание, чем на экономические или спортивные успехи, связана с отсутствием не только социальной, но и физической его защищенности, поскольку с начала 1990-х годов борьба с преступностью в нашей стране ведется в соответствии с формулой М. Жванецкого: „Это — не борьба, и это — не результат“ [Юревич 2009]; А если бессмертие станет доступным только для богатых и **властей предрежащих**, простые смертные не захотят смириться со своей участью [Юрьев 2007];*

- **Сильные мира сего:** *Весь синклит **сильных мира сего**, представленный в РСПП, ума не приложит, что поделать* [Попов 2003]; *Большую роль в магическом маркетинге играет реклама: те частицы пояса Богородицы, которые много лет находятся в московских храмах, никого не интересуют, поскольку им не поклоняются **сильные мира сего**, вокруг нет ни рекламной кампании, ни, как следствие, ажиотажа* [Волкова 2013]; *Мы не позволяем „**сильным мира сего**“ относиться к себе как к рабам или домашней скотине* [Холмогорова 2015].

Наиболее регулярно отрицательная и/или ироническая оценка присуща контекстам, включающим во внутреннюю форму ФЕ номинацию сакральных сил, монархов (*Царь-батюшка; Царь и бог*), если такие идиомы называют современных российских политиков, представителей администрации регионального и всероссийского масштаба. Субъекты речи обычно подчеркивают превышение полномочий, тенденцию к тоталитаризму и/или раздутое самомнение чиновника о своей значимости. Например: *Он же, в нарушение законодательства, председа-*

тель совета директоров, он же — **царь и бог** [Данилюк 2004]; Архивист МВД так с нами разговаривал, будто он — **царь и бог**, а мы — так, просители... [Владимирова 2005]; Раньше практика неуставных взаимоотношений между солдатами и офицерами тоже присутствовала, однако солдаты не обращались в правоохранительные органы — офицер был для них **царь и бог** [Виньков, Демченко 2003]; Надысь губернатор Омской области Леонид Полежаев решил сыграть роль **царя-батюшки**, отрезанного своими коварными и хитрыми холопами от всяческой информации [Омский мусорный абзац 2003].

Но даже в тех контекстах, где нет негативной оценки, властные органы и остальное население России воспринимаются как две диаметрально противоположные силы (ср.: В результате между **власть имущими** и населением возник некий консенсус, который, по оценкам Гэвенты, стал не естественным следствием успешной реализации интересов жителей территории и их свободного выбора, а результатом эффективного осуществления элитой своей власти [Педяев 2010]; В нем нет недостаточного заискивания перед **сильными мира сего**, не просматривается и преднамеренного очернения „буржуев-кровососов“ [Алексеева 2002]; Но мораль, которую могут вынести из нее политические элиты других стран, все та же: если хочешь процветания своему народу, сделай так, чтобы в этом были заинтересованы **сильные мира сего**, а дальше останется лишь грамотно распорядиться предоставленными возможностями. [Соколов-Митрич, Дятликович 2013].

Исключение составляет ФЕ *Стоять во главе*, которая употребляется в контекстах с нейтральной и положительной оценочностью. Возможно, это связано с моделью: лидер пространственно объединен с остальной частью социума — единой группы, которая объединена и движется в одном направлении). Например: Второй — постараться доходчиво объяснить президенту и его экономическому советнику Илларионову, что даже сейчас, когда у нас такие отличные люди **работают во главе государства**, возможно далеко не всё [Минаев 2002]; Во-вторых, в структуре кабинета министров образовано Министерство по делам Северного Кавказа, **во главе** которого **встал** Лев Кузнецов, досрочно сдавший пост губернатора Красноярского края [Военно-гражданские перестановки 2014]; Луценко считает, что пришло время создавать новую партию, одной из движущих сил

которой должны стать интеллектуальные интернет-сообщества и объединения среднего класса. При этом у него нет амбиций **встать во главе** этой партии, он готов и „рядом постоять“ [Калныш 2013].

Но в целом использование идиом из семантической группы «Власть» в современном российском политическом дискурсе отличается экспрессия и оценочность, преимущественно негативно-ироническая. Одним из ярких примеров такого прагматического сужения служит употребление фразеологизма *Слуги народа*. Он фиксируется исключительно в контекстах, характеризующих коррумпированных чиновников и представителей выборных органов. Ирония же усиливается за счет актуализации внутренней формы идиомы (лица, призванные служить народу, используют власть в собственных интересах и воспринимают остальное население как «быдло», не заслуживающее уважения). Например: **Слуги народа** „переплюнули“ мафию. В № 33 за прошлый год „АиФ“ опубликовал материал „Роскошь бюджетных денег“ [Львова 2003]; На **слуг народа** коллективное негодование впечатления не произвело, большинством голосов они постановили: компенсациям быть [Коузова 2014]; Пристальным вниманием следственных органов к **слугам народа** сегодня никого не удивишь [Повестка дня 2014]; Тогда **слуги народа** будут думать не о том, как содрать взятку с собственника, а как заставить его исправно платить все положенные налоги [Анисин 2003].

Возможно усиление оценочной экспрессии (обычно иронической) за счет отнесения идиом из семантической группы «Власть» к лицам, занимающим во властной, профессиональной и другой иерархии далеко не лидирующую позицию. Например: *Посмотрите на людей, нас окружающих. На административный восторг в глазах вахтера, мнящего себя повелителем стихий; на сторожа, являющегося по классификации всё того же Достоевского „подпольным человеком“, каждую ночь взрывающего мир* [Бавильский, Манцов 2010]. В ряде случаев изменение привычной отнесенности выглядит не совсем обоснованным. Например, в контексте: *Пока правит бал эта неразбериха, профессиональные стратеги вполне в силах проявить в той или иной форме собственное интеллектуальное превосходство* [Черемных 2009] — субъект власти («неразбериха») вряд ли может быть включен в определенную социально-политическую иерархию.

Безусловно, усилению экспрессии служит формальное и семантическое преобра-

зование идиом, в результате которых часто актуализируется внутренняя форма ФЕ, что, в свою очередь, усиливает экспрессивно-оценочную составляющую ФЕ.

В частности, достаточно регулярно фиксируются такие приемы, как контаминация нескольких ФЕ, расширение формального состава, разрушение ФЕ и т. п. Например: *Кто сейчас, оказавшись у кормила власти (или хотя бы приблизившись к нему), почувствовал, что его ресурсы значительно уступают возможностям конкурентов, которые у того же кормила находятся дольше* [Гальперин 2003]; *Соображение, что все наши беды по части моральной и эстетической распушенности от того, что не те люди с началом демократизации прорвались к рулям, рычагам, не те встали у кормила власти*, достаточно распространенное [Богомолов 2002]; *Выполнение или невыполнение задачи повлечет за собой не некий внешний „кнут“ или „пряник“, а чувство либо глубокого внутреннего удовлетворения, либо что-то совсем противоположное* [Шабанов, Алешина 2008]. *Так что теперь, если принятый закон будет одобрен Советом Федерации, гражданам придется либо судиться с захмелевшими от административного восторга законодателями, либо как минимум голосовать против них на предстоящих в декабре выборах в Госдуму* [Катанян 2003]; *У них есть основания, причем даже не так надо бояться Большого брата, как „маленького братца“, busy buddy, какой-нибудь бдительной вахтерши или постового, вообразившего себя American hero* [Дорфман 2003].

Усиление экспрессии может быть связано с использованием устойчивых сочетаний в составе паремий, к которым восходит данная идиома (ср.: *По-прежнему ни „скорая“, ни пожарные, ни наша доблестная милиция не могут пробиться через бесконечные пробки на дорогах города, в том числе и потому, что продолжает торжествовать известный принцип: кто взял палку, тот капрал!* [Поюровский 2010]).

Кардинальное семантическое преобразование и, как результат, разрушение ФЕ, фиксируется только в одном контексте, где обыгрывается фонетическое сходство идиомы *Гог и Магог* с номинацией напитка *го-голь-моголь*, который готовится путем смешивания и взбивания различных ингредиентов. Именно этот признак ('смешивание, отсутствие структурированности') становится основным при употреблении преобразованного фразеологизма, причем такое использование фиксируется не СМИ, а в интернет-

общении (ср.: *Давайте, Ирина, сделайте нам коктейль из геев и нормалов, алкашей и абстинентов, папуасов и мексиканцев, иудеев и сикхов, гого и магоги* [Форум: Я за гей-парад]).

В целом же, как показывает анализ, в современном российском политическом дискурсе «власть» воспринимается в основном как особая каста, живущая по своим законам, часто непонятным населению. Интересы политической, социальной и экономической элиты могут быть диаметрально противоположны интересам социума. Это относится не только к конкретным чиновникам, властным структурам, но и к обобщенному (планетарному) восприятию элиты общества (ср.: *Но и это фантастика, поскольку власть имущие и без всяких психотронных излучателей весьма просто решают свои задачи — разваливая страны, оккупирывая, бомбардируя и т. п.* [Геворкян 2008]).

Вместе с тем подобное концептуальное представление о власти нельзя абсолютизировать и утверждать, что таковы объективные отношения власти и народа в современном российском обществе, поскольку идиоматика является по преимуществу экспрессивным средством, то есть используется в том случае, когда субъект речи обращает внимание на наиболее острые и, возможно, болезненные стороны социальной жизни России.

ИСТОЧНИКИ

1. 2012: год фиктивных перемен // Русский репортер. 2012.
2. Алексеева Т. «Олигарх» чтит Уголовный кодекс // Финансовая Россия. 2002. 19 сент.
3. Анисин Н. Кабала хапуг (к проблемам нынешних отношений власти и бизнеса в России) // Завтра. 2003. 26 марта.
4. Аринштейн Э. Торжество абсурда // Однако. 2009.
5. Бавильский Д., Манцов И. У каждого ума свой телескоп // Частный корреспондент. 2010.
6. Баранов В. Малый народ как малый параметр // Лебедь : интернет-альманах. 2003. 16 нояб.
7. Богомолов Ю. Не виноваты мы // Известия. 2002. 16 авг.
8. Варецкий Б. Стидные уроки барства. Власть и бедность // Советская Россия. 2003. 21 авг.
9. Великовский Д. «Единство» в опасности // Русский репортер. 2011. № 45 (223), 17 нояб.
10. Веселов А. Карьерные горки // Русский репортер. 2012.
11. Виньков В., Демченко В. Избитая тема // Известия. 2003. 14 янв.
12. Владимирова А. Учителя // Знание — сила. 2005.
13. Военно-гражданские перестановки // Эксперт. 2014.
14. Волеизвержение // Еженедельный журнал. 2003. 17 марта.
15. Волкова Е. Магия порядка // Эксперт. 2013.
16. Гальперин И. Власть «делом» занимается // Совершенно секретно. 2003. 9 авг.
17. Геворкян Э. С кем контактируем? // Наука и религия. 2008.
18. Данилюк С. Рублевая зона. 2004.
19. Дорфман М. Об Израиле, войне в Ираке, Сталине и кое-чем другом... // Лебедь : интернет-альманах. 2003. 30 июня.
20. Калныш В. Министр в отсидке // Огонек. 2013.
21. Катанян К. Освещать избирательную кампанию становится небезопасно. За нарушения, допущенные в период предвыборной агитации, средство массовой информации может быть временно закрыто // Время МН. 2003.
22. Коузова А. Арестованный выбор // Огонек. 2014.

23. Креленко Д. Испания — Россия: тайное тяготение // Богатей (Саратов). 2003. 10 февр.
24. Крылов К. Национальная безопасность // Спецназ России. 2003. 15 янв.
25. Левандовский А. Безупречный министр // Знание — сила. 2013.
26. Ледяев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010.
27. Львова М. Слуги народа переплюнули мафию // Аргументы и факты. 2003. 22 янв.
28. Минаев С. Есть ли у вас план, мистер Греф? // Вечерняя Москва. 2002. 11 апр.
29. Омский мусорный абзац // Криминальная хроника. 2003. 10 июня.
30. Повестка дня // Эксперт. 2014.
31. Пожаробезопасность — в ранг экономической политики // Строительство. 2003. 26 мая.
32. Попов В. Страсти по «черному золоту» // Завтра. 2003. 13 авг.
33. Поюровский Б. Кому живется вольготнее... // Вечерняя Москва. 2000.
34. Пылаев И. Война срывает посевную // Еженедельный журнал. 2003. 8 апр.
35. Рахаева Ю. Как Любимов водку на боржоми заменил. Советская цензура в борьбе за нравственность // Известия. 2002. 26 мая.
36. Рыбкина М. Власть — поближе, деньги — подальше? // Новороссийский рабочий. 2003. 18 февр.
37. Семенова А. Власть, дай порулить // Вечерняя Москва. 2003. 11 апр.
38. Соколов-Митрич Д., Дятликович В. Чудо корейское // Русский репортер. 2013.
39. Сычев С., Звягинцев А. Русское терпение переплавилось в покорность // Огонек. 2014.
40. Терентьев А., Перинчек Д. США надеются уничтожить наследие Ататюрка // Однако. 2010.
41. Толстых Е. Пивка для рыбка // Совершенно секретно. 2003. 1 сент.
42. Тринадцать лиц будущего // Русский репортер. 2009. № 1—2 (080—081), 22—29 янв.
43. Филиппова Т. Логика иррациональности, или Стоит ли бегать от самих себя? // Родина. 2010.
44. Холмогорова Н. Л. Переименование «Войковской»: 12 аргументов против // Православие и мир. 2015. 11 мая. URL: <http://www.pravmir.ru/12-argumentov-protivnikov-pereimenovaniya-voikovskoy/>.
45. Черемных К. Путаница благих намерений // Однако. 2009.
46. Шабанов С., Алешина А. Коучинг как стиль управления // Coach. 2008.
47. Шеремет П. Дожить до транша // Огонек. 2015.

48. Юревич А. В. Динамика психологического состояния современного российского общества // Родина. 2009.
49. Юрьев З. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь. 2007.
50. Я за гей-парад : коллективный форум. 2011.

ЛИТЕРАТУРА

51. Академический словарь русской фразеологии = АСРФ / А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский, К. Р. Киселева, А. Д. Козеренко. 2-е изд., испр. и доп. — М. : ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
52. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М. : Элпис, 2008. 472 с.
53. Балашова Л. В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 9—15.
54. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
55. Большой фразеологический словарь русского языка = БФСРЯ / отв. ред. В. Н. Телия. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.
56. Маслова В. А. Homo lingudlis в культуре. — М. : Гнозис, 2007. 320 с.
57. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики = СТСРИ / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — М. : Мир энциклопедий «Аванта+», 2007. 1135 с.
58. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. — М. : Глобал Ком, 2013. 338 с.
59. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. — М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 19—31.
60. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
61. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: лингвостранноведческий словарь. — М. : Русский язык, 1990. 220 с.
62. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства языковой агрессии. — М. : Флинта, 2011. 160 с.
63. Фразеологический словарь русского языка = ФСРЯ / под ред. А. И. Молоткова. 5-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1994. 543 с.
64. Шкатова В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестн. Петербург. гос. ун-та. 2012. № 1, т. 7. С. 207—215.
65. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 44 с.

L. V. Balashova
Saratov, Russia

IDIOMS WITH THE MEANING “POWER” IN CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. In the article the idioms of the semantic group “Power” are studied in the discursive, semantic, motivational, and conceptual aspects. The role of these phraseological units in the representation of a language picture of the world has been stated. In particular, the discursive limitations of most of the analyzed idioms has been stated, and their orientation not to the traditional folk culture, but to the book culture, associated with religious, literary, foreign-language sources, as well as journalism and oral speech communication of the Soviet period was revealed. It is emphasized that the formation of the idioms is based on several conceptual models of metaphorical and/or metonymic types (spatial, biomorphic, sociomorphic). It is established that the inner form and the basic models of motivation, in turn, determine the specific semantics and pragmatics of the studied phraseological units, which mainly provide a generalized description of the power structures and their leaders, and give detailed description of the legal side of gaining and maintaining power, and methods of government. It is proved that in modern Russian political discourse idioms of the “Power” group are usually used in their language meaning. However, it is found that when using a number of phraseological units there are some preferences in the selection of the current political situation. It proved that one of characteristics of political discourse is some terminologization of language idioms. The main feature in the pragmatic aspect of the use of the idioms is the predominance of negative and/or ironic valuation of the power structures and their leaders, and this characteristic is also inherent to the phraseological units which did not have such features in the language. Conceptual analysis of the use of the idioms shows that “power” is mainly perceived as a special caste, living by their own laws and largely opposed to the rest of the society.

KEYWORDS: idiomatics; semantics; motivation; conceptualization; power; political discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Balashova Lyubov Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Saratov National Research State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

REFERENCES

1. 2012: god fiktivnykh peremen // Russkiy reporter. 2012.
2. Alekseeva T. «Oligarkh» chtit Ugolovnyy kodeks // Finansovaya Rossiya. 2002. 19 sent.
3. Anisin N. Kabala khapug (k problemam nyneshnikh otnosheniy vlasti i biznesa v Rossii) // Zavtra. 2003. 26 marta.
4. Arinshteyn E. Torzhestvo absurda // Odnako. 2009.
5. Bavit'skiy D., Mantsov I. U kazhdogo uma svoy teleskop // Chastnyy korrespondent. 2010.
6. Baranov V. Malyy narod kak malyy parametr // Lebed' : internet-al'manakh. 2003. 16 noyab.
7. Bogomolov Yu. Ne vinovaty my // Izvestiya. 2002. 16 avg.
8. Varet'skiy B. Stydnye uroki barstva. Vlast' i bednost' // Sovetskaya Rossiya. 2003. 21 avg.
9. Velikovskiy D. «Edinstvo» v opasnosti // Russkiy reporter. 2011. № 45 (223), 17 noyab.
10. Veselov A. Ka'ernye gorki // Russkiy reporter. 2012.
11. Vin'kov V., Demchenko V. Izbitaya tema // Izvestiya. 2003. 14 yanv.
12. Vladimirova A. Uchitel'ya // Znanie — sila. 2005.
13. Voenno-grazhdanskije perestanki // Ekspert. 2014.
14. Voleizverzhenie // Ezhenedel'nyy zhurnal. 2003. 17 marta.
15. Volkova E. Magiya poryadka // Ekspert. 2013.
16. Gal'perin I. Vlast' «delom» zanimaetsya // Sovershenno sekretno. 2003. 9 avg.
17. Gevorkyan E. S kem kontaktiruem? // Nauka i religiya. 2008.
18. Danilyuk S. Rublevaya zona. 2004.
19. Dorfman M. Ob Izraile, voyne v Irake, Staline i koe-chem drugom... // Lebed' : internet-al'manakh. 2003. 30 iyunya.
20. Kalnysh V. Ministr v otsidke // Ogonek. 2013.
21. Katanyan K. Osveshchat' izbiratel'nuyu kompaniyu stanovitsya nebezopasno. Za narusheniya, dopushchennye v period predvybornoy agitatsii, sredstvo massovoy informatsii mozhet byt' vremenno zakryto // Vremya MN. 2003.
22. Kouzova A. Arestovannyi vybor // Ogonek. 2014.
23. Krenko D. Ispaniya — Rossiya: taynoe tyagotenie // Bogatey (Saratov). 2003. 10 fevr.
24. Krylov K. Natsional'naya bezopasnost' // Spetsnaz Rossii. 2003. 15 yanv.
25. Levandovskiy A. Bezuprechnyy ministr // Znanie — sila. 2013.
26. Ledyayev V. Izuchenie vlasti v gorodskikh soobshchestvakh: osnovnye etapy i modeli issledovaniya // Neprikosnovennyi zapas. 2010.
27. L'vova M. Slugi naroda pereplyunuli mafiyu // Argumenty i fakty. 2003. 22 yanv.
28. Minaev S. Est' li u vas plan, mister Gref? // Vechernyaya Moskva. 2002. 11 apr.
29. Omskiy musorny abzats // Kriminal'naya khronika. 2003. 10 iyunya.
30. Povestka dnya // Ekspert. 2014.
31. Pozharobezopasnost' — v rang ekonomicheskoy politiki // Stroitel'stvo. 2003. 26 maya.
32. Popov V. Strasti po «chernomu zolotu» // Zavtra. 2003. 13 avg.
33. Poyurovskiy B. Komu zhivetsya vol'votno... // Vechernyaya Moskva. 2000.
34. Pylaev I. Voyna sryvaet posevnyuyu // Ezhenedel'nyy zhurnal. 2003. 8 apr.
35. Rakhaeva Yu. Kak Lyubimov vodu na borzhomi zamenil. Sovetskaya tsenzura v bor'be za nravstvennost' // Izvestiya. 2002. 26 maya.
36. Rybkina M. Vlast' — poblizhe, den'gi — podal'she? // Novorossiyskiy rabochiy. 2003. 18 fevr.
37. Semenova A. Vlast', day porulit' // Vechernyaya Moskva. 2002. 11 apr.
38. Sokolov-Mitrich D., Dyatlikovich V. Chudo koreyskoe // Russkiy reporter. 2013.
39. Sychev S., Zvyagintsev A. Russkoe terpenie pereplavilos' v pokornost' // Ogonek. 2014.
40. Terent'ev A., Perinchev D. SShA nadeyutsya unichtozhit' nasledie Ataturka // Odnako. 2010.
41. Tolstykh E. Pivka dlya ryvka // Sovershenno sekretno. 2003. 1 sent.
42. Trinadtsat' lits budushchego // Russkiy reporter. 2009. № 1—2 (080—081), 22—29 yanv.
43. Filippova T. Logika irratsional'nosti, ili Stoit li begat' ot samikh sebya? // Rodina. 2010.
44. Kholmogorova N. L. Pereimenovanie «Voykovskoy»: 12 argumentov protiv // Pravoslavie i mir. 2015. 11 maya. URL: <http://www.pravmir.ru/12-argumentov-protivnikov-pereimenovaniya-voikovskoy/>.
45. Cheremnykh K. Putanitsa blagikh namereniy // Odnako. 2009.
46. Shabanov S., Aleshina A. Kouching kak stil' upravleniya // Coach. 2008.
47. Sheremet P. Dozhit' do transha // Ogonek. 2015.
48. Yurevich A. V. Dinamika psikhologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Rodina. 2009.
49. Yur'ev Z. Smertel'noe bessmertie // Nauka i zhizn'. 2007.
50. Ya za gey-parad : kollektivnyy forum. 2011.
51. Akademicheskii slovar' russkoy frazeologii / Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skiy D. O., Kiseleva K. R., Kozarenko A. D. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : LEKSURUS, 2015. — 1168 s. (ASRF 2015)
52. Alefirenko N. F., Zolotykh L. G. Frazeologicheskii slovar': Kul'turno-poznavatel'noe prostranstvo russkoy idiomatiki. — M. : Izd-vo «Elpis», 2008. — 472 s.
53. Balashova L. V. Kontseptualizatsiya vlasti v sotsiomorfnoy literaturnoy i slengovoy metafore (sopostavitel'nyy aspekt) // Politicheskaya lingvistika. — Ekaterinburg, 2010. Vyp. 2 (32). S. 9—15.
54. Balashova L. V. Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. — 496 s.
55. Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Otv. red. V. N. Teliya. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2009. — 784 s. (BFSRYa 2009).
56. Maslova V. A. Homo lingudlis v kul'ture. — M. : Gnozis, 2007. — 320 s.
57. Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki / Pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo. — M. : Mir entsiklopediy. Avanta+, 2007. — 1135 s. (STSRI 2007)
58. Dement'ev V. V. Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike. — M. : Global Kom, 2013. — 338 s.
59. Teliya V. N. Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinit'sakh frazeologicheskogo sostava yazyka // Kul'turnye sloi vo frazeologizмах i diskursivnykh praktikakh. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. S. 19—31.
60. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. — 288 s.
61. Felitsyna V. P., Mokienko V. M. Russkie frazeologizmy: Lingvostrannovedcheskiy slovar'. — M. : Russkiy yazyk, 1990. — 220 s.
62. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Yazyk sovremennykh SMI: Sredstva yazykovoy agressii. — M. : Flinta, 2011. — 160 s.
63. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. A. I. Molotkova. — 5-e izd., stereotip. — M. : Russkiy yazyk, 1994. — 543 s. (FSRYa 1994)
64. Shkatova V. V. Frazeologicheskaya kartina mira kak ob'ekt lingvisticheskogo izucheniya // Vestnik Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1. T. 7. S. 207-215.
65. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. — M. : Flinta, Nauka, 2006. — 44 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.